

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

Мой
ГЕРОЙ

Анастасия Вежина

Мой герой

<https://litres.ru/73463646>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад Даниил Соколов был моим первым героем и первым палачом. Он бросил меня у школьной калитки в день выпускного, выбрав блестящее будущее в столице вместо нашей любви. Теперь я — студентка-первокурсница, живущая в общежитии с пятном на потолке и считающая каждый рубль. А он — «акула» маркетинга, хозяин жизни из Москва-Сити и мужчина, который снова смотрит на меня так, будто никогда не уходил.

Случайная встреча в кофейне превращает мою жизнь в полосу препятствий. Даниил хочет искупить вину роскошными ресторанами и защитой, но его мир не принимает «девчонок из провинции». Фото в пабликах, шепот за спиной и клеймо «содержанки» — цена, которую я плачу за его внимание.

Когда его властное прошлое в лице безупречной бывшей предлагает мне «билет в жизнь» в обмен на отказ от Даниила, мне приходится решать: остаться тенью в его сияющей империи или уйти, чтобы сохранить себя.

Но в этот раз я не буду ждать, пока он обернется. В этот раз правила игры диктую я.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мой герой

Глава 1

Полина

Ручка чемодана хрустнула на вдохе – и осталась у Полины в ладони отдельной, бесполезной деталью. Сам чемодан дёрнулся, вырвался и плюхнулся на плитку боком, потом перевернулся колёсами вверх. Толпа на перроне качнулась вперёд, как единое тело, и ей тут же наступили на край куртки.

Если она сейчас не поднимет – его пнут дальше, раскроют молнию, разнесут вещи по перрону. И она останется здесь с рюкзаком и голыми руками. В первый же вечер.

– Девушка, вы что, стоять будете? – бросили рядом.

Полина дёрнула куртку из-под чужой подошвы, резко, так что ткань хлестнула по ноге. В висках стукнуло. Ладони стали влажными, пальцы будто сгладились, не за что было ухватиться. Она присела на корточки – на секунду слишком низко, почти на колени – и вцепилась в боковую ручку чемодана. Потянула на себя.

Тяжёлый. Не «ой, тяжёленький», а так, что тянуло запястье и сводило плечо. Внутри глухо гремело: чашки, кастрюлька, банки с чем-то маминым «на первое время». Всё, что должно было держать её в Москве, пока она не станет «своей».

Полина подтянула чемодан ближе, подняла рывком, поставила на колёса. Колёса скрипнули.

– Извини... – вылетело у неё в пустоту, и она протиснулась вперёд, прижимая локти к телу, чтобы никто не сбил её снова.

Казанский вокзал не встречал. Он давил.

Внутри было жарко и слишком светло. Объявления резали уши, люди шли навстречу, сбоку, сверху, снизу – без пауз, без взгляда, без «простите». Полина шла с чемоданом, держась за боковую ручку, и ручка резала кожу. Её тянуло остановиться, перевести дыхание, но поток подталкивал в спину.

Она вышла в общий зал, оглянулась в поисках указателя метро и сразу же увидела очередь к рамкам. И тут ей захотелось обратно, в вагон, в своё место у окна, где никто не трогал локтями. Хоть на пять минут.

Полина сглотнула. Во рту было сухо, язык будто прилип к нёбу. Она перевела чемодан на другую руку. Пальцы на секунду онемели – от усилия, от того, что вцепилась слишком крепко.

«Не здесь», – коротко сказала она себе. «И не так».

Она шагнула в очередь.

Рамка пискнула на чьём-то ремне. Кто-то ругнулся. Сзади толкнули. Полина отстранилась, не оборачиваясь. Вышла на улицу – и воздух ударил в лицо холоднее, чем внутри. Стало легче дышать, но руки всё равно дрожали, мелко, почти незаметно.

У входа в метро она остановилась, сдвинула рюкзак повыше и достала телефон. Экран мигнул: «Мама».

«Доехала?»

Полина посмотрела на эти семь букв так, будто это было не сообщение, а ладонь на плечо. У неё свело живот, будто там сжали ремень. Она набрала: «Да». Стерла. Набрала: «Доехала». Стерла.

Пальцы зависли над клавиатурой. Слова «всё нормально» были рядом – липкие и ложные.

Она просто убрала телефон в карман и застегнула молнию до упора. Резко, с щелчком. Потом подняла чемодан на первую ступень вниз – и пошла.

Метро встретило влажным воздухом и запахом металла. Эскалатор тянулся долго, а чемодан норовил съехать вперёд. Полина держала его на одной ступени выше своей, упираясь коленом, чтобы не давил на ноги стоящим ниже. Сзади кто-то вздохнул громко. Она не обернулась.

На платформе гудело. Поезд подходил с ветром, и этот ветер поднимал на коже тонкую дрожь. Полина зашла в вагон, втиснулась в угол, поставила чемодан рядом и взялась за поручень. Металл был холодный. Холод уходил в ладонь и собирал пальцы в одно целое.

Вагон набился до отказа. Пахло мокрыми куртками, сладким парфюмом и чем-то жвачным. Полина держала локти прижатыми, чтобы никого не задеть, и смотрела на дверь – на надпись, на схему, куда угодно, лишь бы не встречаться

глазами с чужими.

Рядом стояла девушка в светлом пальто. Чистом, ровном, без катышков на рукавах. Телефон у неё был в блестящем чехле, на запястье тонкий браслет, ногти аккуратные. Она листала экран спокойно, будто вагон был её кабинетом.

Полина опустила взгляд на свои кроссовки. На одном была тонкая грязная полоска от дороги. Она машинально провела по ней носком другого – не стерлось. Пальцы на поручне побелели.

Поезд качнуло. Кто-то ткнулся ей в плечо. Полина шагнула ближе к стене, прижала чемодан коленом. В горле снова пересохло, и она сглотнула так громко, что сама услышала.

«Ты тут не для них», – сказала она себе. «Ты тут для себя».

На «Сокольниках» народ хлынул на выход. Полина вытолкнула чемодан в дверной проём, и колесо подпрыгнуло на стыке. Она дернулась – удержала. В коридоре метро было шумно и быстро. Табло, стрелки, лестницы. Она шла, считая повороты, как в чужом доме: один лишний – и потеряешься.

Наверху было уже темно. Фонари горели бело, асфальт блестел после дождя. Полина остановилась у карты района, подняла глаза, искала нужную улицу. Буквы поплыли – от усталости, от мельтешения. Она моргнула несколько раз подряд, глубоко, пока всё не встало на место.

«Общежитие», – нашла она стрелку и пошла туда, куда показывало.

До здания было не так далеко, но чемодан делал дорогу

длиннее. Рука ныла. Запястье тянуло. Рюкзак резал плечи. Полина пару раз переставляла ляжки, стараясь не останавливаться – остановишься, и снова начнётся этот внутренний торг: «может, не сейчас», «может, потом», «может, домой».

У входа в общежитие было облупленное крыльцо и тусклая вывеска. Подъездная дверь открывалась тяжело, с хрипом. Внутри пахло варёной капустой и влажной тряпкой. По коридору тянуло чем-то сладким, дешёвым – освежителем.

У вахты сидела женщина, не поднимая головы.

– Куда? – спросила она, и голос был ровный, усталый.

Полина дернула молнию на рюкзаке, достала документы слишком быстро, листок выскользнул и упал на пол. Она наклонилась, подхватила.

– Извини... – сказала она и протянула бумагу.

Женщина взяла, пробежала глазами, выдала ключ и карточку.

– Третий этаж. Комната... – она посмотрела в журнал. – Триста сорок седьмая.

Полина кивнула слишком резко. Взяла ключи, сжала в ладони. Металл впился в кожу – приятно. Чётко. Не расплывчато.

Лестница была узкая. На второй площадке пахло сигаретами. На третьем этаже – дешевым порошком и чем-то влажным, как в ванной. Полина шла по коридору и считала двери: 341... 343... 345... Числа держали её лучше, чем любые «всё будет хорошо».

Ключ вошёл туго. Замок щёлкнул не сразу. Полина повернула сильнее – и дверь подалась.

Она открыла её и в первую же секунду упёрлась взглядом в потолок.

Пятно было большое, неровное, с тёмной каймой. Оно занимало почти четверть потолка над входом и выглядело так, будто там когда-то текло долго, упрямо, без свидетелей. Полина застыла на пороге. Горло сжалось, и она сделала вдох – короткий, осторожный.

Запах плесени сразу ударил в нос. Влажный, старый. Он цеплялся и не отпускал. Полина шагнула внутрь, поставила чемодан у ближайшей кровати. Деревянная ножка под кроватью была скошена. На полу – пыльная полоска, будто её давно не двигали.

Комната была маленькая. Две кровати вдоль стен. Стол у окна. Шкаф, который видел больше чужих жизней, чем она хотела представлять. Окно выходило во двор – там горели несколько окон, и кто-то внизу смеялся громко, раскатисто.

На столе лежала записка на клетчатом листке: «Вернусь поздно».

Полина посмотрела на неё и не тронула. Чужой почерк в её первом московском вечере был лишним. Даже если соседка была нормальной.

Она сняла рюкзак, положила на кровать. Матрас под ней скрипнул. Полина присела на край и провела ладонью по простыне – тонкой, больничной. Пальцы сжались сами.

В кармане снова завибрировал телефон.

Она достала его резко, будто ловила что-то падающее. Экран снова показывал мамино «Доехала?». Полина набрала: «Доехала». На секунду палец завис над «отправить». В гортле пересохло ещё сильнее.

Она отправила: «Доехала. В общеаге. Позже напишу».

И сразу убрала телефон экраном вниз. На стол. Как крышку.

Полина встала. Сняла куртку, повесила на спинку стула. Подошла к окну. Подоконник был холодный, краска на нём вздулась пузырями. Она села на край, подтянула колени, обхватила их руками, прижалась плечом к раме. Стекло было прохладным. Снаружи по двору прошёл парень в капюшоне, огонёк сигареты вспыхнул и погас.

Её пальцы на коленях побелели. Запястье ныло. На ладони осталась красная полоска от ручки чемодана. Полина посмотрела на неё и медленно разжала пальцы, один за другим.

– Я справлюсь, – сказала она тихо. Не для кого-то. Для себя. Чтобы было слышно хотя бы одним ухом.

Слова вышли сухо. Без героизма.

Она слезла с подоконника и занялась делом, чтобы не стоять.

Достала из чемодана простыню и наволочку. Ткань была скомканная, пахла домом – стиральным порошком и чем-то мамским. Полина натянула простыню на матрас. Углы не хотели держаться, резинка была слабая. Она подтолкнула

матрас коленом, заправила край, ещё раз. Плечи напряглись, лопатки свело.

Наволочка на подушке села криво. Полина поправила. Потом ещё раз, с раздражением – будто наволочка была виновата во всём.

Она нашла розетку у стола, воткнула зарядку. Телефон пикнул.

На экране вылезло уведомление: сообщение в группе.

Полина наклонилась ближе. Прочитала.

«Завтра 9:00, главный корпус».

Слова были чёткие, без знаков, без «пожалуйста», без снисхождения. Завтра. Девять. Главный корпус. Не «как получится». Не «если успеешь». Внутри щёлкнуло – жёстко, как застёжка на ремне.

Она быстро открыла будильник.

Первый – 6:30.

Второй – 6:40.

Третий – 6:50.

Пальцы работали точно. Слишком точно для человека, который час назад удерживал чемодан на платформе, чтобы его не раздавили.

Полина подняла голову. Пятно на потолке снова оказалось в поле зрения. Оно висело над ней, как чужая подпись.

Она подошла к двери и проверила замок. Один раз. Потом второй – и остановилась, сжав ключ в ладони, пока металл не оставил на коже след.

Вернулась к кровати, села. Не легла.

В комнате было тихо, но не спокойно: где-то в коридоре капала вода, внизу хлопнула дверь, за окном кто-то снова засмеялся. Полина посмотрела на телефон – на поставленные будильники, на сообщение в группе. Перевела взгляд на чемодан с кривой ручкой.

Если она завтра проспит – никто не будет ждать. Если опоздает – никто не объяснит второй раз. И домой ехать будет не к кому с победой.

Мысль оборвалась на полуслове. Полина сжала край простыни в кулаке, отпустила, выпрямила спину.

Будильники стояли.

Завтра было слишком близко, чтобы притворяться, что она тут «просто попробует».

Глава 2

Полина

– Поля, только не делай вид, что ты святая. А у тебя был кто-то? Ну... серьёзно.

Кира сказала это так громко, что бариста на секунду подняла голову. Полина дёрнула плечом, будто на него попал кипяток. Ложка в стакане звякнула о стенку – слишком резко. Она тут же замедлила движение, но рука продолжала мешать кофе, круг за кругом, пока пена не расплзлась и не стала грязно-коричневой.

– Не... – у неё запершило в горле. Она кашлянула тихо и, не поднимая глаз, добавила быстрее: – Не было никого серьёзного.

Кира фыркнула, придвинулась ближе, локтём задела салфетки. Пахло корицей и чем-то сладким – выпечкой, от которой хотелось не есть, а домой. Полина стиснула бумажный стакан обеими руками. Тонкий картон сразу прогнулся. Пальцы стали влажными. Она спрятала их под крышку, будто так можно было сделать вид, что вопрос не задел.

– «Не было», – передразнила Кира и щёлкнула ногтем по своему стакану. – Ты мне тут не ври, а? Я ж вижу. Ты не из тех, кто «не было». У тебя лицо такое... как будто ты всё время ждёшь, что тебе сейчас скажут «извини, я пошёл».

Полина резко подняла взгляд и тут же отвела. В отраже-

нии стекла – люди, вывески, мокрый асфальт. Москва шумела за витриной, как работающий кондиционер: фон в уши, и ни секунды тишины.

– Кира... – она сказала это тихо, почти шёпотом, чтобы не слышали другие. – Давай не надо.

– Да ладно, я ж не в душу лезу, – Кира развела руками, но улыбка у неё была колючая. – Просто интересно. Ты ж сама понимаешь: общага – это не монастырь. Тут все с кем-то. И я не хочу, чтобы ты потом сидела и грызла себя.

Полина снова начала мешать кофе. Круг за кругом. В этом движении было что-то, за что можно держаться. Если перестать – придётся говорить.

– Я не грызу, – вылетело быстрее, чем нужно.

– Ага, – Кира закатила глаза. – Слушай, Поля. Ты третий день здесь. Три. Ты вообще ела нормально? Или питаешься гордостью и булочкой за сорок рублей?

Полина дёрнула уголок рта. Хотелось улыбнуться по-настоящему, но губы слушались плохо. Она сделала глоток, обожгла язык и быстро поставила стакан обратно. Глаза защипало – от горячего, не от чего-то другого.

– Ела, – соврала она и тут же добавила: – Немного.

Кира протянула ей круассан, купленный на двоих, и посмотрела так, будто это приказ.

– Жри.

Полина взяла. Тёплый. Масляный. Пальцы снова оставили на бумаге вмятину.

– Спасибо... – сказала она слишком привычно и сама себя за это уколола.

Кира хмыкнула.

– Извини, спасибо... Ты что, с этим набором слов в Москву приехала? Ещё «простите, что существую» забудь.

Полина опустила голову, откусила кусочек. Тесто прилипло к нёбу. Она сглотнула, и в горле всё равно осталась сухость.

– Я... – она снова мешнула ложкой, звякнула. – Просто так.

Кира вдруг наклонилась, голос у неё стал тише – не мягче, просто ближе.

– Поля. Я не про «просто так». Я про «кто-то». Был?

Ложка замерла. Полина держала её в воздухе, и рука дрожала мелко, почти незаметно. В груди стянуло так, что стало трудно вдохнуть нормально. Она поставила ложку на блюдце. Осторожно, чтобы не звякнула. Всё равно звякнула.

– Был, – сказала она едва слышно. – Давно.

Кира улыбнулась широко, довольная, будто выиграла спор. Но не стала давить. Только кивнула.

– Ну вот. А то «не было». Давно – это насколько?

Полина пожала плечами. Кожа на шее горела. Она сжала стакан так, что крышка щёлкнула.

– В школе.

– Ого, – Кира театрально присвистнула. – То есть ты у нас романтик. И чё ? Ушёл? Сдох? Женился?

Полина резко втянула воздух и тут же поперхнулась. Кира похлопала её по спине – сильно, без нежности. Полина кивнула, показывая, что нормально, и отвернулась к окну, чтобы Кира не видела лицо.

– Не надо так, – сказала она коротко.

– Ладно-ладно. – Кира подняла ладони. – Всё, молчу. Но знай: если он тебя кинул, то он дебил. Если ты его кинула – то тоже дебил, потому что довёл. В любом случае – дебил.

Полина наконец выдохнула. В груди стало чуть свободнее. Она взяла салфетку, вытерла пальцы – слишком тщательно, будто стирала с них прошлое.

– Кира, – она попыталась сказать спокойно. – Давай лучше про учёбу.

– Про учёбу тоже дебилы есть, – отрезала Кира и тут же рассмеялась. – Ладно. Пошли. Ты хотела в парк у универа, да? Типа «почувствовать студенческую жизнь». Пойдём, пока дождь опять не начался.

Полина кивнула быстро. Слишком быстро – лишь бы выйти из этой темы. Она схватила рюкзак, перекинула лямку через плечо. Лямка врезалась в ключицу. Рядом с дверью кофейни она привычно сказала:

– Извини.

Кира закатила глаза так, что бариста снова поднял голову и ухмыльнулся.

– Господи. Поля. Успокойся.

В парке у университета было светлее, чем у метро. Дере-

вья уже начали желтеть, листья лежали мокрыми пятнами на дорожках. Под ногами скользило. Полина шла аккуратно, ставила шаги короче, чтобы не упасть. Кира бодро шла рядом, стучала каблуками, как будто дорога принадлежала ей.

– Смотри, – Кира ткнула пальцем в сторону. – Вот, видишь? Нормальные люди. Влюблённые. Тупые. Счастливые.

Полина повернула голову – и тут же замедлила шаг.

На скамейке сидела пара. Парень держал девушку за талию, она что-то говорила ему в ухо и смеялась, прикрывая рот ладонью. Он наклонился, коснулся её виска губами – быстро, буднично, как «привет». Она потянулась к нему сама, будто это было самым простым движением на свете.

Полина остановилась. Кира прошла ещё пару шагов и оглянулась.

– Эй. Ты чего?

Полина пожала плечами. Она заставила себя сделать вдох, но воздух вошёл неровно. В груди снова стянуло. Она сжала лямку рюкзака так, что пальцы побелели. И в этот момент в памяти всплыло совсем другое: школьный двор, осень, лужи и грязь, автобусная остановка с облезлой краской.

Тогда было холоднее. Она шла рядом с ним, и её рука всё время цеплялась за рукав куртки – случайно, будто сама искала опору. Он молчал больше, чем говорил. На остановке он просто поднял ладонь и махнул, уже отходя. Не подошёл ближе. Не наклонился. Даже не дотронулся – будто это было слишком заметно для чужих глаз.

Полина моргнула. Реальность вернулась резко: дорожка, мокрые листья, Кира, которая уже хмурилась.

– Да ничего, – сказала Полина быстро. – Просто... красиво.

Кира прищурилась.

– Красиво – это когда у тебя зарплата и ты можешь в «Патрики» каждый день. А это – просто гормоны. Пошли, Поля.

Полина пошла. Ноги стали тяжёлыми, как после долгой дороги, хотя они просто сделали круг по парку. Она старалась смотреть на всё, что не люди: на лавочки, на таблички, на фонари. На голубей, которые важничали у урны.

– Ты, кстати, – Кира заговорила будто между делом, – в комнате нормально? Не сдохла от нашего пятна?

Полина невольно подняла глаза.

– Оно... – у неё пересохло в горле. – Оно большое.

– Да ладно, – Кира махнула рукой. – Зато бесплатно. Ну почти. И вид во двор. Я прошлый год жила в комнате, где окно на стену. Вот где романтика.

Полина кивнула. Вспомнилось, как она вчера вечером проверяла замок два раза. Как ключ впивался в ладонь. Как будильники стояли один за другим.

– Ты тут давно? – спросила она, лишь бы говорить.

– Второй год, – Кира пожала плечами. – Привыкнешь. Тут главное: не быть белкой. Не бегать и не дёргаться. И на кухне не оставляй еду. Сожрут. Не тараканы, так девочки.

Полина попыталась улыбнуться. Улыбка вышла короткой,

как вздох.

– Поняла... – слово почти выскочило, но она успела проглотить его. Сказала иначе: – Ладно. Буду знать.

Кира кивнула удовлетворённо, будто отметила себе галочку.

– И ещё. – Она посмотрела на Полину сбоку. – Не делай из Москвы испытание на выживание. Она просто... большая. Живёт себе. А ты – рядом. Найдёшь место.

Полина сжала губы. Слова были нормальные, правильные. От них не становилось легче. Но от того, что Кира говорила их вслух, в воздухе появлялась какая-то опора.

– Спасибо, – сказала Полина тихо.

– Да ты издеваешься, – Кира засмеялась. – Я тебе круассан купила – вот это спасибо. А это... так.

Полина промолчала. Ей хотелось сказать «извини» – и она удержала это на языке. Прикусила нижнюю губу, почувствовала лёгкую боль. Стало проще идти.

Вечером в комнате 347 пахло жареным луком и чужим шампунем. Пятно на потолке никуда не делось, но к нему уже не тянуло поднимать голову каждые две минуты. Оно было как сосед: неприятный, но известный.

Кира пришла позже, шумно, с пакетом из ближайшего магазина.

– Поля, – она бросила пакет на стол. – Я купила лапшу и нормальный чай. Потому что твой «заварю кипяточком и всё» – это издевательство.

Полина сидела на своей кровати, поджав ноги. На коленях лежала тетрадь с конспектом – строчки плясали, и она каждый раз перечитывала одно и то же место, будто это могло закрепиться само.

– Спасибо, – сказала она и тут же добавила: – Правда.

Кира фыркнула, но видно было – ей нравится.

– Я в душ, – сказала она. – Потом жрать.

Полина кивнула. Когда дверь за Кирой закрылась, в комнате стало заметно тише. В коридоре кто-то смеялся, хлопали дверцы шкафчиков на кухне, где-то орал телевизор. Полина сидела, слушала этот шум и ловила себя на том, что сейчас ей даже не хочется тишины. Тишина дома всегда была тёплой. Здесь тишина была пустой.

Телефон лежал рядом на подушке. Экран тёмный. Полина взяла его в руку, и пальцы сами сжали корпус крепче, чем надо. На секунду захотелось открыть переписку с мамой, написать что-нибудь длинное, как раньше: «всё нормально, не переживай». Но она знала, что как только начнёт – остановиться будет трудно.

Она провела пальцем по экрану. Открыла ВК.

Палец завис над строкой поиска. В голове мелькнула глупая мысль: «а если он мне сам напишет?» И тут же другая: «два года. Никто никому не пишет два года».

Полина набрала имя быстро, не глядя на клавиатуру: Даниил Соколов.

Экран подгрузился . Список выдал несколько страниц.

Она прокрутила. Ещё раз. Сердце билось где-то в горле – не громко, но навязчиво, как непрощенный стук в дверь.

Она нашла нужное имя не по фотографии. По тому, как пальцы вдруг стали холодными. По тому, что в животе будто сжали кулак.

Аватар. Строчка города. И ощущение, что от одного нажатия всё вокруг может сдвинуться.

Полина подняла палец – и замерла. Подушечка пальца зависла над кнопкой «Открыть профиль». Ладонь была влажной, и телефон чуть скользнул. Она удержала его второй рукой.

Перед глазами мелькнуло: школьная остановка, его рука, короткий взмах – «пока». Без шага ближе. Без «позвони». И её глупое стояние на месте, когда автобус уже уехал.

Полина резко выдохнула через нос. Сухо, как будто стряхивала пыль.

– Не надо, – сказала она себе тихо.

Палец опустился не на профиль, а на кнопку «назад». Экран вернулся к поиску. Полина закрыла приложение полностью. Положила телефон экраном вниз, как крышку на кастрюлю.

В дверях зашуршал ключ. Кира вошла с мокрыми волосами, в футболке, бросила полотенце на спинку стула.

– О, ты живая, – сказала она. – Я думала, ты тут уже с учебником в обнимку умерла.

Полина подняла на неё взгляд. Улыбка вышла короткой,

но настоящей.

– Пока нет.

Кира поставила чайник.

– И правильно. Мы ещё им покажем. Москву твою... – она запнулась и махнула рукой. – Ладно. Жрать давай.

Полина кивнула и поднялась. Ноги затекли, в коленях щёлкнуло. Она подошла к столу, взяла кружку – ту самую, привезённую из дома, с тонким ободком. Кружка была тёплая от её ладони, хотя чайник ещё не кипел.

Телефон лежал на кровати, экраном вниз.

Полина не тронула его. Но взгляд всё равно возвращался туда – снова и снова, как к двери, за которой кто-то может стоять, даже если ты точно знаешь: коридор пустой.

Глава 3

Даниил

В переговорке пахло маркерами и чужим кофе. Даниил сидел у стеклянной стены, держал телефон на столе экраном вниз и смотрел не на слайды, а в своё отражение: воротник, стянутые губы, рука на колене – пальцы сами вжимались в ткань брюк, как в поручень в метро.

Артём щёлкнул пультом, на экране сменился слайд.

– Дани, ты вообще с нами? – спросил он, не поднимая голоса. – У тебя лицо такое, как будто ты на похоронах.

Даниил медленно моргнул, взгляд вернулся к экрану. Буквы были чёткие. Смысл – мимо.

– С нами, – ответил он коротко.

– С нами, – передразнил Артём, но без злости. Он подошёл ближе, прислонился к столу бедром. – Тебе двадцать шесть. Пора кого-то найти.

Даниил не двинулся. Только челюсть сжалась сильнее. Он поднял руку, провёл пальцами по волосам и тут же опустил – жест выдался слишком нервным.

– Работа, – сказал он и сам услышал, насколько это пусто.

Артём усмехнулся.

– Работа у нас будет всегда. А ты... – он поднял телефон, пролистал галерею и ткнул экраном к Даниилу. – Смотри.

Фото: горы, ветер, он один. В куртке, с капюшоном, глаза

щурятся. В кадре красиво. Внутри – холодно.

Даниил отодвинул телефон пальцем, как неприятную бумагу.

– Убери.

– Ты там хоть живой? – Артём не убрал, только наклонился ближе. – Вот честно. Ты выглядишь как чувак, который от всех спрятался, а потом удивляется, что его никто не находит.

Даниил поднял глаза. Артём смотрел прямо – не давил, просто не отводил.

– Мне так нормально, – сказал Даниил.

Артём хмыкнул и, наконец, убрал телефон в карман.

– Нормально тебе. Ладно. Давай так: сегодня ты выходишь из офиса пораньше. Пятница, всё равно половина уйдёт после обеда. Возьми кофе, прогуляйся. Не будь роботом.

– Я не робот.

– Ещё как, – Артём поднял бровь. – Только роботам удобно жить без ошибок. А ты у нас мастер не ошибаться.

Даниил сжал кулак под столом, так что костяшки упёрлись в ткань. Дёрнулся один мускул на скуле.

– Закончили? – спросил он.

Артём усмехнулся снова, но уже мягче.

– Да. Свободен. Иди, герой.

Даниил встал. Стул тихо скрипнул. Он взял пиджак со спинки, накинул на плечи и застегнул пуговицу. Движение привычное, отточенное. Как броня.

В коридоре он остановился у окна. Стекло было чистое, город – яркий, ровный, как дорогая картинка. Машины внизу ползли. Люди шли. В этом движении было что-то успокаивающее – потому что не касалось его.

Он достал телефон. Экран мигнул уведомлениями. Даниил смахнул их одним движением, открыл поиск и посмотрел на строку ввода.

Имя уже стояло в голове. Оно сидело там, как заноза, которую нельзя трогать – будет больнее.

Он не набрал. Пальцы зависли над клавиатурой. Кожа на ладони стала влажной. Даниил убрал телефон обратно.

«Потом», – сказал он себе. Это «потом» тянулось уже год.

Он вышел из офиса.

Кофейня у МГУ была маленькая, шумная, с окнами на улицу. Название – «Бодрый день» – было написано белыми буквами на тёмном дереве. Даниил выбрал столик у окна, поставил ноутбук так, чтобы видеть вход, и заказал эспрессо.

Бариста узнал его. Здесь всегда узнавали людей в дорогих костюмах. Слишком быстро.

Даниил не снимал пиджак. Он сидел прямой, как на встрече, хотя вокруг сидели студенты: кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то листал конспекты. Шум обволакивал, но не раздражал. Он был как шорох – привычный фон.

Он открыл презентацию. Посмотрел на первый слайд. Закрыл. Открыл почту. Пролистал. Ничего срочного. Он провёл пальцем по краю чашки. Чашка была горячая. Керамика

жгла подушечки пальцев, и это было странно приятно – хотя бы что-то ощущалось.

Даниил поднял взгляд на улицу. В окне отражалась кофейня: лампы, люди, он сам – ровный силуэт.

Снаружи кто-то прошёл близко к стеклу, и картинка на секунду распалась на полосы.

Потом собралось.

Она шла по тротуару, чуть наклонив голову, будто ветер мешал. Светлые волосы собраны. Рюкзак на одном плече. Шаги короткие, осторожные – как будто она считала плитки под ногами.

Даниил не успел подумать. Тело сработало раньше.

В груди ударило так, что воздух застрял. Рука дёрнулась, чашка качнулась, тёмная струя плеснула на блюдце и дальше – на стол.

– Чёрт, – вырвалось у него низко, почти без голоса.

Он вскочил. Стул отъехал с резким скрипом. Кто-то рядом обернулся. Даниил уже не видел людей.

Она была в двух шагах от входа. Ещё секунда – и дверь закроется, и она исчезнет в этой улице, в толпе, в городе, который всегда умел забирать.

Даниил сделал шаг – и на автомате схватил салфетки. Бросил их на стол, даже не глядя на пятно. Пальцы дрожали, но он сжал их в кулак, чтобы не заметили.

Он рванул к двери.

Бариста что-то сказал – «молодой человек!» – но это про-

звучало как шум воды. Даниил выскочил на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. Машины шумели рядом, люди шли навстречу. Он увидел её спину – на секунду, между двумя прохожими.

– Полина, – сказал он вслух и сам вздрогнул от этого. Голос получился хриплый, чужой.

Она не обернулась. Не могла услышать – или не хотела.

Даниил пошёл быстрее. Не бегом – бегом было бы слишком. Он держал себя. Всегда держал.

Плечо задела. Он не извинился. Локоть скользнул по чьей-то куртке. Он не остановился.

Она свернула направо, к переходу. Даниил ускорился. В висках стучало, и этот стук заглушал всё остальное. Ладони стали влажными. Он провёл пальцами по боку пиджака, будто вытирая их, и снова посмотрел вперёд.

На переходе загорелся красный.

Она остановилась, чуть отступив от края. Даниил был уже почти рядом – шагов десять. Между ними – поток людей, как вода.

Он увидел её профиль на секунду: нос, линия скулы, подбородок. Всё знакомое и совсем другое – взрослее, тоньше, как будто город вытянул из неё детскую округлость.

Даниил сделал ещё шаг. Ещё.

Кто-то встал перед ним – высокий парень в наушниках. Даниил вцепился взглядом в щель между плечами.

Загорелся зелёный. Толпа двинулась. Она пошла вместе

со всеми – и в этом движении исчезла. Не сразу. По кусочкам: волосы, рюкзак, рукав. Потом – пусто.

Даниил перешёл дорогу, толкнул дверь ближайшего магазина, выскочил обратно – надеясь увидеть её дальше. Он повернул голову вправо. Влево. Вперёд.

Ничего.

Он замер посреди тротуара. Люди обходили. Кто-то ворчал. Даниил стоял, будто ноги приклеили к асфальту.

В горле пересохло. Он сглотнул, но стало только хуже. В животе стянуло холодом, как от резкого удара. Он сжал кулаки в карманах и разжал – медленно, чтобы не сорваться.

«Год», – стукнуло в голове. Не мыслью – цифрой.

Год он искал её. Не каждый день. Не с фанатизмом. Порывами. Ночью. В такси. На скучных встречах, когда чужие слова лезли в уши, а в голове было одно имя.

Он набирал сообщения и стирал. Набирал и снова стирал. Один раз даже нажал «отправить» – и тут же отменил, пока сеть не успела проглотить.

А теперь – вот она. Прямо перед ним. И он снова её упустил.

Даниил выдохнул. Медленно. С шумом. Это был почти свист, и он ненавидел себя за него.

Он достал телефон.

В кофейню он вернулся уже другим человеком. Не потому что успокоился – потому что собрал себя в кучу. Пиджак застёгнут. Лицо ровное. Внутри всё ещё било в виски.

Бариста посмотрел на него с явным вопросом. Даниил поднял ладонь.

– Оплачу, – сказал он коротко.

– Там... – бариста кивнул на стол, где салфетки лежали мокрым комком. – Вы пролили.

– Вижу.

Он оплатил, не торгуясь, оставил чаевые, больше чем нужно. Не из вины – из желания закрыть тему. Быстрее.

Даниил вышел снова. На ходу открыл браузер, без приложения. Тот аккаунт, который он завёл год назад, был безымянным и пустым. «Дмитрий Соколов». Никаких фотографий, никаких друзей. Лента – чистая. Только один смысл: смотреть, не быть замеченным.

Он ненавидел себя за это. И всё равно пользовался.

Пальцы набрали её имя быстрее, чем он успел моргнуть.

Страница загрузилась.

И вот она – фотография. Не из школы. Не из старых сохранённых, которые он находил у друзей друзей. Свежая. Селфи из вагона поезда. На лице – усталость, которую камера не должна была ловить, но поймала. За спиной – полка и окно, в котором отражался свет станционных фонарей. Даниил провёл пальцем по экрану, увеличил. Лицо стало ближе. Он увидел тень под глазами. Волосы, собранные небрежно.

Даниил поставил телефон на паузу, как будто боялся дышать прямо над экраном. Он смотрел на фотографию, и у

него дёрнулась щека. Нервный тик, которого не было два года.

Пять.

Он опустил телефон, прислонился плечом к стене дома. Камень был холодный даже через пиджак. Хорошо. Холод держал.

«Что ты делаешь?» – спросил он себя.

Вариантов было два. Первый – закрыть, забыть, сделать вид, что это случайность и знак «не трогай». Второй – подойти. Сказать вслух. Не прятаться.

Даниил провёл ладонью по волосам, глубоко вдохнул. Воздух вошёл резко, как после бега. Он заставил себя выдохнуть медленно.

Он снова открыл карту на телефоне. Нашёл ближайший вход в университет. Пальцы стали холодными, хотя на улице было тепло.

Он пошёл.

Шаги были ровные. Слишком ровные. Он держал корпус, плечи. Как на презентации перед инвесторами.

У входа в МГУ было оживлённо. Студенты выходили группами, кто-то курил, кто-то спорил, кто-то фотографировался у лестницы. Даниил остановился чуть в стороне, у колонны, и смотрел на людей так, будто пытается вычислить её по походке, по наклону головы, по тому, как держит рюкзак.

Её не было.

Он простоял так минуту. Потом ещё. В груди снова нача-

ло стучать, но уже иначе – не ударом, а тяжёлым, упорным толчком.

«Не сегодня», – сказал он себе. И тут же – другое: «Ты уже один раз ушёл».

Он опустил голову, посмотрел на свои руки. На правом большом пальце шрам резал кожу светлой полосой. Старый, ровный. Он провёл по нему подушечкой левого пальца. Жёстко.

Полина тогда бинтовала эту руку. Держала осторожно, но крепко. Смотрела так, будто всё вокруг можно починить.

Даниил резко отнял руку. Этот жест был слишком.

Он поднял взгляд и увидел своё отражение в стеклянной двери. Высокий, собранный, дорогой. Снаружи – контроль. Внутри – пустота, которая вдруг стала громкой.

Он достал телефон. Экран снова показал её фото с вокзала. Даниил задержал палец на изображении, как будто этим нажатием можно было удержать её в городе.

– Завтра, – сказал он тихо.

Слово прозвучало буднично. Не клятвой. Не обещанием. Просто точкой на линии.

Он убрал телефон в карман и сделал шаг к входу.

Остановился.

Слова, которые нужно было произнести, застряли где-то под языком. Не потому что их не было – потому что они были слишком простые и слишком опасные.

Даниил выдохнул и сказал едва слышно, почти себе:

– Полина...

Имя резануло по горлу и осталось там, как горячая крошка. Он не двинулся, но пальцы в кармане сами сжались в кулак – и разжались только тогда, когда боль в костяшках стала ощутимой.

Глава 4

Полина

Кира уселась напротив, стукнула стаканом о стол так, что крышка подпрыгнула, и сразу же заговорила – как будто тишина здесь стоила денег.

– Короче, ты видела Ильина? Он же... – она закатила глаза, подбирая слово. – Он же прям кайфует, когда люди тупят. Я бы на его месте тоже кайфовала, конечно, но я бы хотя бы вид делала, что мне не всё равно.

Полина кивнула и не сразу поняла, на что именно. Пальцы опять жили своей жизнью: ложка в кофе ходила кругами, кругами, кругами. Стакан был картонный, горячий, и этот жар будто держал ладонь в реальности.

Она старалась дышать ровно.

«Бодрый день» был слишком шумным для её головы. Студенты за соседним столом спорили о каких-то баллах, кто-то смеялся так громко, что у Полины подрагивали веки. За стеклом мелькали люди, машины, тени. В Москве всё двигалось – и ничего не ждало.

– Поля, ты меня вообще слушаешь? – Кира наклонилась вперёд, стукнула ногтем по столу.

– Слушаю, – быстро сказала Полина. – Да. Извини. Просто... шумно.

Кира фыркнула.

– Ну да, шумно. Это ж жизнь, а не сельский клуб.

Полина чуть прикусила нижнюю губу и снова уставилась в кофе, будто там могли быть ответы. В кармане лежал телефон. Экраном вниз – так она его и носила последние два дня, как что-то лишнее. Она не открывала ВК с того вечера. Не проверяла. Не искала.

И всё равно имя сидело в горле сухой крошкой.

Кира продолжала что-то рассказывать – про девочку из группы, про преподавателя, про то, что в общаге кто-то опять украл пачку макарон. Полина отзывалась в нужных местах. Внутри было пусто и натянуто, как проволока.

– ...и вот я ей говорю: «ты нормальная вообще?» – Кира махнула рукой и потянулась к булочке. – А она мне: «это не я». Конечно, не ты. Пачка макарон сама ушла погулять.

Полина взяла стакан, сделала глоток и обожгла язык. Сжала губы, чтобы не зашипеть, и поставила кофе обратно. Глаза защищало.

– Аккуратней, – Кира ткнула пальцем. – Ты как ребёнок.

Полина хотела ответить, что всё нормально, но в этот момент за спиной прозвучало:

– Полина?

Одно слово. Спокойное. Без вопросительных интонаций – как будто он не сомневался.

Полина резко выпрямилась. Кофе в стакане качнулся. Ложка выскользнула из пальцев и ударилась о блюдце с металлическим звоном. Звук прорезал шум кофейни, и на се-

кунду вокруг стало слишком тихо – как в вакууме.

Кровь отхлынула от лица. Не красиво, не "в кино". Просто руки стали чужими, кончики пальцев похолодели. Она повернула голову так резко, что в шее потянуло.

Он стоял у их столика. Даниил. Всё-таки не ушёл. Вернулся. Не тот, школьный, в куртке на молнии. Этот был выше, шире в плечах, в дорогом пиджаке – темном, гладком, который не мнётся. Волосы аккуратно уложены. Лицо – жёстче. И всё равно в нём было что-то знакомое до боли: линия губ, взгляд, который не суетился.

Он не подходил ближе, чем нужно. Остановился ровно на дистанции. Руки свободно опущены, пальцы спокойные. Только угол челюсти был напряжён.

– Даниил... – вырвалось у Полины. Голос прозвучал тоньше, чем она хотела. – Ты... ты откуда...

Она замолчала, потому что фраза сыпалась. Кира уставилась на него с любопытством.

– Опа, – сказала Кира громко. – Здравствуйте. А вы кто?

Полина дёрнулась, хотела шикнуть, но слова не вышли. Она сглотнула. Горло было сухим, как будто она только что пробежала лестницу до девятого этажа.

Даниил перевёл взгляд на Киру. Кивнул.

– Даниил, – сказал он коротко. И снова посмотрел на Полину. – Не ожидал тебя здесь.

Его голос был ровный. Слишком ровный. Это раздражало и одновременно держало.

Полина сжала край стола пальцами. Дерево было гладкое, тёплое. Она не знала, куда деть руки.

– Я... – она резко вдохнула, и воздух застрял где-то в груди. – Мы... кофе.

– Вижу, – сказал Даниил, чуть склонив голову, будто отмечал факт.

Кира молчала секунду. Потом усмехнулась.

– Слушайте, Даниил, у вас прикольный навык – появляться внезапно. Мы вообще-то разговаривали.

– Кира, – быстро сказала Полина. Слишком быстро. – Всё нормально.

Кира посмотрела на неё так, будто "нормально" было самым смешным словом.

Даниил сделал шаг в сторону, к свободному стулу, но не сел без разрешения. Спросил глазами – не словами.

Полина кивнула. Сама не поняла зачем. Может, потому что если не кивнуть, она встанет и уйдёт, а ноги сейчас ватные.

Даниил сел. Движение было спокойное, без суеты. Он поставил ладонь на стол – и Полина уставилась на его руку, как будто всё остальное исчезло.

На правом большом пальце у него был шрам. Светлая полоска, знакомая форма. Он никуда не делся. Она помнила эту кожу под бинтом, помнила, как держала его руку двумя пальцами, чтобы не больно.

Полина резко отвела взгляд. Лицо горело.

– Ты... – начала она и тут же споткнулась. – Ты здесь... давно?

Даниил выдержал паузу. Короткую, почти незаметную. Но она её слышала.

– Живу в Москве, – сказал он. – Давно.

Кира фыркнула и откинулась на спинку стула, скрестив руки.

– Ага. И вот так вы живёте-живёте, а потом находите Полю в кофейне? Случайно, да?

Полина почувствовала, как в животе стянуло. Хотелось исчезнуть. Хотелось, чтобы Кира не говорила. Хотелось, чтобы Даниил не смотрел.

Но он смотрел. Не давил. Просто не уводил взгляд.

– Кира, – Полина сказала тише, но резко. – Не надо.

Кира подняла бровь, но замолчала. На секунду.

Даниил посмотрел на Полину и спросил так, будто это было самым обычным:

– Ты учишься здесь?

Полина кивнула.

– Первый курс. Маркетинг.

Слово "маркетинг" прозвучало смешно. Как будто она играла во взрослую жизнь. Полина сжала пальцы в кулак под столом.

– МГУ? – уточнил Даниил.

– Да.

Кира вдруг оживилась.

– Она вообще умная, если что. Из области. Сама поступила. В общаге живём, – она махнула рукой, как будто представляла "экспозицию". – Комната так себе, но зато весело.

Полина бросила на неё взгляд. Кира в ответ усмехнулась: мол, расслабься.

Даниил кивнул.

– Поздравляю, – сказал он Полине. – Это серьёзно.

Полина хотела ответить "спасибо", но слово застряло. Она снова сглотнула и вместо этого сказала быстро:

– Ну... да. Я стараюсь.

Даниил чуть прищурился, будто ловил её скорость речи.

– Ты одна? – спросил он.

– С Кирой, – Полина кивнула на подругу, будто это могло защитить.

Кира тут же вклинилась:

– Да, со мной. Я её охраняю. Потому что Москва, знаешь ли, не город, а аттракцион. Тут надо каску носить.

Полина сжала стакан. Крышка щёлкнула.

– Кира...

– Что "Кира"? – та пожала плечами. – Я правду говорю.

Даниил чуть улыбнулся краем губ. Быстро. Как будто позволил себе секунду.

– Полина, – сказал он. – Ты... как?

И вот тут Полина поняла, что сейчас не сможет выдать красивое "нормально". В груди стояло напряжение, и оно дрожало на каждом вдохе.

Она подняла плечи, будто защищаясь.

– Нормально, – сказала она всё равно. – Привыкла.

Кира открыла рот, чтобы вставить "ага, привыкла, третий день", но в этот момент телефон у неё завибрировал на столе. Она посмотрела на экран, поморщилась.

– Блин. Мне надо в библиотеку, – сказала она так, будто это смертный приговор. – Я забыла, что обещала той... короче, неважно.

Полина тут же напряглась. Рука сама потянулась к рюкзаку.

– Я с тобой, – сказала она быстро.

Кира посмотрела на неё, потом на Даниила, и глаза у неё стали слишком понимающими.

– Поля, да спокойно, – она встала, накинула куртку. – Я отойду на пять минут. Ты взрослая.

Полина покраснела ещё сильнее.

– Кира...

– Всё, – Кира наклонилась к ней и тихо, почти в ухо, прошептала: – Не падай в обморок. Дыши. Я рядом.

Потом выпрямилась и громко, уже для Даниила:

– Вы тут, пожалуйста, без фокусов. А то я умею орать.

Даниил спокойно кивнул.

– Понял.

Кира ушла, оставив после себя запах дешёвых духов и шум шагов. Полина осталась сидеть, и вдруг стало слишком слышно, как гудит кофейня. Как кто-то смеётся. Как ложка

стучит о чашку за соседним столом.

Она подняла свою ложку, положила её ровно на блюде. Не мешать. Не звякнуть.

Даниил молчал пару секунд, будто давал ей время. Полина ненавидела это "время". Время – это когда ты начинаешь думать и уже не можешь остановиться.

– Ты изменилась, – сказал он.

Полина резко вскинула взгляд.

– Нет.

Ответ вышел слишком быстрым, слишком острым. Она сама это услышала и тут же добавила, сбивчиво:

– Я... извини. Просто... нет. Не знаю.

Даниил не отреагировал на "извини". Не сказал "всё нормально". Он просто посмотрел на неё.

– Ты стала взрослой, – уточнил он. – Это заметно.

Полина сжала губы. Пальцы под столом опять искали что-то, за что можно ухватиться. Она нашла ремешок рюкзака, стиснула.

– А ты... – она запнулась. – Ты тоже.

Даниил чуть наклонил голову.

– Да.

Коротко. И пауза снова повисла.

Полина не выдержала первой. Это было у неё всегда. Когда нервы – слова сами выскакивали.

– Ты... как ты вообще... – она дёрнула плечом. – Ты меня узнал.

Даниил не улыбнулся. Не сыграл в "конечно". Он принял это спокойно.

– Узнал, – сказал он.

– И ты просто... подошёл, – Полина говорила быстрее, и ей самой было от этого стыдно. – Вот так. В кофейне. При Кире.

Даниил выдержал паузу. Потом сказал:

– Другого способа не было.

Полина хмыкнула. Нервно.

– Было, – коротко бросила она. – Можно было не подходить.

Даниил посмотрел прямо.

– Я и так слишком долго не подходил.

Полина резко опустила взгляд в кофе. Внутри снова стянуло, и она сжала стакан сильнее. Картон прогнулся. Горячее пролилось на пальцы, и она дёрнулась.

– Чёрт... – выдохнула она и тут же: – Извини.

Даниил протянул салфетку, не касаясь её рук.

– Осторожно, – сказал он.

Полина взяла салфетку, вытерла пальцы. Тёрла слишком сильно, будто хотела стереть не кофе, а всё это.

– Спасибо.

Даниил кивнул.

Полина подняла глаза. Он сидел ровно. Спокойный. Будто у него внутри не было ничего. И это бесило.

– Зачем ты здесь? – спросила она.

Даниил чуть прищурился.

– В Москве?

– Нет, – Полина коротко выдохнула. – Здесь. Сейчас.

Даниил помолчал. Пауза была плотной. Полина слышала, как у неё стучит в висках.

– Хотел увидеть тебя, – сказал он наконец.

Слова были простые. Без "я скучал". Без "я думал". Просто факт, как "пойдёт дождь".

Полина сглотнула. Во рту снова стало сухо.

– Зачем, – повторила она. Глупо. Но по-другому не выходило.

Даниил посмотрел на её руки. Потом снова на лицо.

– Потому что... – он остановился, будто слово не подходило. – Потому что ты здесь. А я – тоже.

Полина усмехнулась, резко, почти зло.

– Это не ответ.

Даниил чуть наклонился ближе – совсем немного, так что она заметила. И тут же остановился, как будто сам себя одёрнул.

– Полина, – сказал он тихо. – Я не пришёл спорить.

Полина хотела сказать "а зачем тогда". Хотела сказать "поздно". Хотела сказать "два года".

Но она сидела и смотрела на его палец со шрамом, который лежал на столе, и у неё немели кончики пальцев.

Даниил первым отвёл взгляд.

– Я могу помочь, – сказал он. – Если нужно. По-дружески.

Полина фыркнула.

– По-дружески?

Слова вышли остро. Она сама не ожидала. Низ живота стянуло холодом, будто она шагнула на край.

Даниил не вздрогнул. Только глаза стали темнее.

– Да, – сказал он. – Если тебе так проще.

Полина наклонилась вперёд, и голос у неё стал ниже.

– Мы не друзья, Даниил.

Тишина повисла такая, что даже чужие разговоры в кофейне стали дальними.

Даниил смотрел на неё долго – без "долгого взгляда", без кино. Просто не отводил глаза.

– Тогда давай станем, – сказал он.

Полина замерла. Пальцы под столом разжались сами. Кожа на лице горела, как после морозного ветра.

– Что? – вылетело у неё.

Даниил сделал паузу. Его голос остался ровным.

– Давай начнём нормально общаться, – сказал он. – Не как чужие.

Полина молчала. В голове было пусто и шумно одновременно.

Даниил добавил, чуть жёстче:

– Продиктуй номер.

Полина усмехнулась – коротко, нервно.

– Ты... – она выдохнула. – Ты всегда так. Приказами.

Даниил слегка прищурился.

– Не приказ, – сказал он. – Просьба. Полина.

Она сжала губы. Потом посмотрела в сторону двери – Кира не возвращалась. Конечно. Именно сейчас.

Полина достала телефон. Пальцы дрожали мелко, и она злилась на них. Экран мигнул. Она набрала номер в заметках, чтобы не ошибиться. Потом подняла глаза и быстро, одним потоком, продиктовала.

Даниил повторил. Спокойно. Без ошибок. Как будто уже знал. И от этого у Полины внутри всё сжалось ещё сильнее.
– Записал, – сказал он.

Полина кивнула, будто это было деловое дело. Будто она только что не открыла дверь, которую держала закрытой два года.

В этот момент в кофейню влетела Кира. Шумно. Как всегда.

– О! – она остановилась у их стола, переводя взгляд с Полины на Даниила. – Я вижу, вы тут уже и номера раздаёте. Нормально.

Полина резко выпрямилась.

– Кира...

– Да ладно, – Кира усмехнулась и наклонилась к Полине.
– Поля, ты чего такая белая? Тебе воды?

Полина мотнула головой.

Даниил встал. Движение было спокойное, без суеты.

– Мне пора, – сказал он. Потом посмотрел на Полину. – Напишу.

Полина открыла рот – и не сказала ничего. В горле опять пересохло.

Даниил сделал шаг назад, будто не хотел нависать. И вдруг, уже у выхода, обернулся и сказал – тихо, без улыбки:
– Ты не изменилась. Всё такая же упрямая.

И ушёл, не оглядываясь.

Полина сидела, глядя на дверь, которая закрылась за ним. Пальцы на стакане побелели.

Кира медленно опустилась на стул напротив и выдохнула так, будто держала это всю сцену.

– Так, – сказала она. – Теперь нормально. КТО ЭТО?!

Глава 5

Полина

В Хамовниках вечером было слишком тихо – не по-настоящему, а по-столичному : окна светились ровными прямоугольниками, машины шли по мокрому асфальту мягко, без визга, лифт в подъезде поднимался без скрипа. Даниил стоял у окна в гостиной и держал стакан воды, который так и не отпил. Стекло холодило пальцы, и это было удобно – занимало руки.

На столе горел ноутбук. В почте висели непрочитанные письма. На экране телефона – контакт, который он не открывал второй день.

«Полина К.»

Без фотографии. Серый кружок с буквой. Ничего лишнего. Как будто она специально не оставила ему ни одной подсказки, кроме номера.

Даниил перевёл взгляд в окно. Внизу на перекрёстке мигал светофор, и красный свет ложился на капот припаркованной машины. Он считал эти мигания, будто от них зависело, когда можно начать.

Телефон завибрировал. Он дернулся, едва заметно – слишком взрослый, чтобы вздрагивать. Но пальцы всё равно сжались вокруг стакана. Экран высветил входящий видеозвонок.

Артём.

Даниил нажал «принять», поставил телефон на стол, чтобы не держать в руке.

– С каких пор ты домосед? – Артём появился на экране сразу, без приветствий. За ним виднелся шумный фон – бар, свет, чужие лица.

– Работы много, – сказал Даниил.

Фраза вышла ровной. Привычной. Артём усмехнулся так, будто слышал детскую отговорку.

– Угу. Работа. – Артём наклонился ближе к камере. – Ты реально в девять вечера дома в пятницу? Один?

Даниил молчал пару секунд. Слова не нужны были. Любой ответ звучал бы либо оправданием, либо признанием.

– Один, – сказал он коротко.

– Вот это я и говорю. – Артём шумно выдохнул. – Ладно, не буду читать лекции. Но если ты опять начнёшь жить как в бункере, я тебя оттуда вытаскивать не собираюсь. Я не МЧС.

Даниил посмотрел на экран и чуть прищурился.

– Зачем звонишь?

– Проверяю, не умер ли ты от одиночества, – Артём пожал плечами. – И вообще. Пойдём к нам. Тут норм. Девочки, музыка. Станешь человеком.

Даниил перевёл взгляд на телефон рядом – на контакт. На серый кружок.

– Не сегодня.

– «Не сегодня», – передразнил Артём, но без злости. – Ты

меня пугаешь, Дани. Честно. Ты не то чтобы романтик, но раньше хотя бы делал вид, что тебе есть дело до жизни.

Даниил сжал кулак, разжал. Пальцы на секунду онемели.

– Мне есть дело.

– До чего? – Артём поднял бровь.

Даниил молчал. В горле пересохло. Он взял стакан, сделал глоток. Вода была прохладная и никакая – не помогла.

– Я перезвоню, – сказал он.

– Ага. – Артём прищурился. – Ты сейчас кому-то пишешь?

– Нет.

Артём усмехнулся.

– Конечно, нет. Ладно. Я понял. Не лезу. Но если вдруг... – он сделал паузу, будто выбирал слова, – если вдруг ты начал жить, это даже хорошо.

Даниил не ответил. Артём откинулся назад.

– Окей. Тогда не буду мешать твоей... работе. – Он подмигнул и отключился.

Экран погас. В комнате стало ещё тише.

Даниил остался стоять у окна, будто ему нужно было время, чтобы снова услышать собственное дыхание. Он провёл ладонью по волосам, задержал пальцы у затылка, потом опустил руку. На этом жесте всегда всё и держалось: сделать вид, что это просто усталость.

Телефон лежал на столе. Контакт – на месте.

Он подошёл ближе, сел на край дивана, не снимая часов.

Экран телефона светился холодно.

«Полина К.»

Даниил открыл переписку. Пусто. Ни одного сообщения. Ничего, что можно было бы перечитать ночью и убедить себя, что всё это не показалось.

Палец завис над клавиатурой.

Он набрал: «Привет».

Стер.

Набрал: «Как ты?»

Стер.

Набрал: «Как неделя?»

Стер.

Слова казались не его. Слишком мягкие. Слишком простые. Слишком... будто он имеет право.

Он выдохнул через нос, коротко. Сжал челюсть.

Набрал: «Не пропала?»

Пауза. Палец над кнопкой «отправить».

Он посмотрел на окно. На отражение: взрослый мужчина в дорогой квартире, который не может нажать одну кнопку.

Даниил нажал.

Сообщение улетело. Сразу. Без возможности вернуть назад.

Он положил телефон на стол, экраном вверх, будто так честнее. И тут же взял обратно – пальцы сами. Как будто, если держать его в руке, ответ придёт быстрее.

Прошла минута. Две.

Он встал, прошёлся по комнате, остановился у кухни, открыл холодильник и закрыл, даже не глядя. Вернулся. Снова сел. Телефон лежал на ладони, как горячая монета.

«Прочитано».

Даниил не двинулся. Плечи остались ровными. Только под кожей на скуле дёрнулась мышца. Он посмотрел на экран так, будто мог взглядом вытянуть из него ответ.

Минуты тянулись вязко. Он заставил себя открыть ноутбук, ткнуть в письмо, пролистать пару строк. Буквы не держались в голове.

Телефон молчал.

Он снова поднялся, подошёл к окну, упёрся ладонью в стекло. Холод прошёл в пальцы. Дыхание сбилось, и он сделал медленный вдох, будто на тренировке.

«Всё нормально», – сказал он себе. «Просто человек занят».

Телефон завибрировал.

Даниил обернулся слишком резко. Взял телефон, стараясь не хватать.

Сообщение от Полины:

«Жива. Москва больше чем на картинках»

Он прочитал два раза. Третий.

Уголок губ дёрнулся. Не улыбка – попытка. Он быстро набрал:

«Хорошо. Осваиваешься?»

Пауза. Он перечитал. Слишком сухо. Стер «хорошо».

Оставил:

«Осваиваешься?»

Отправил.

Ответ пришёл не сразу. И это было нормально. Он не должен был сидеть и ждать. Он вообще не должен был так себя вести.

Но сидел.

«Да. Пытаюсь. Общага... как общага :)»

Даниил прищурился. Общага. Он представил запах коридора, старые двери, общий душ, чужие голоса. Представил её там – и пальцы сами сжались в кулак. Он разжал их, провёл ладонью по волосам.

«Комната норм?»

Он перечитал. Стер «норм». Написал:

«Комната терпимая?»

Пауза. Отправил.

Ответ:

«Пятно на потолке. Но я справлюсь.»

Он прочитал и задержал палец на экране, будто мог удержать эти слова. «Пятно на потолке» – деталь, которая не должна была резать, но резала. Потому что он увидел это пятно, хотя никогда не был в её комнате.

Он набрал:

«Если надо что-то – скажи.»

Стер.

Набрал:

«Если нужна помощь – скажи.»

Оставил. Отправил.

Минут через пять пришло:

«Спасибо. Пока справляюсь.»

Даниил посмотрел на это «пока». Слово было маленькое, но в нём стояла трещина: не "не надо", не "отстань", а "пока". Он сжал губы, чтобы не улыбнуться.

Он написал:

«Ты сегодня где была?»

Стер. Слишком личное.

Написал:

«Как учеба?»

И снова – стер. Сухо, как анкетный вопрос.

Он задержал пальцы над клавиатурой, потом написал коротко:

«Сегодня тяжело было?»

Отправил.

Полина ответила почти сразу:

«Смешно, но да. Тут всё быстро. И люди. Как будто я всё время опаздываю.»

Даниил посмотрел на экран, и у него сжалось в груди – не красивым жестом, а простой тяжестью, как когда лифт резко останавливается между этажами.

Он набрал:

«Не опаздываешь. Ты просто в начале.»

Стер. Слишком поучительно.

Набрал:

«Привыкнешь.»

Стер. Пусто.

Он выдохнул, написал честнее, но короче:

«Москва давит. Потом отпустит.»

Отправил.

Через минуту:

«Надеюсь :)»

Даниил откинулся на спинку дивана. Часы на руке давили, он расстегнул ремешок и положил их на стол. В комнате было тепло, но ладони оставались прохладными.

Он посмотрел на время – 21:47.

Два часа назад он мог бы быть в баре с Артёмом и не думать ни о чём. Сейчас он сидел дома и ждал, когда на экране появится три точки набора.

И ждал.

Полина писала быстро. Сразу видно: не выверяла. Не строила позу.

Она спрашивала, где в Москве можно недорого поесть, как не запутаться в метро, что делать, если в общежитии шумно ночью. Даниил отвечал коротко, ровно, без лишних советов. Он ловил себя на том, что пишет слишком подробно, потом стирал половину, чтобы не выглядеть человеком, который «всё решит».

Он не должен решать. Не имеет права. Она не просила.

Он просто... был рядом. По переписке. Это безопасно.

В 22:36 она написала:

«Ты же в маркетинге, да?»

Даниил усмехнулся – едва заметно.

«Да.»

«И у тебя прям работа работа ? В офисе?»

Он посмотрел на свой ноутбук, на письма, на таблицы, которые его не трогали. Написал:

«Да. Нормальная.»

Стер «нормальная». Написал:

«Да. Своя компания.»

Отправил.

Пауза.

«Ого.»

Он прочитал и ощутил, как напряглись плечи. Слово было короткое, но за ним могла стоять дистанция. "Ого" – это "ты другой". "Ого" – это "не для меня".

Он заставил себя не отвечать сразу. Сделал вдох. Выдох.

Потом написал:

«Это не важно. Ты как?»

Полина ответила:

«Я... нормально. Просто непривычно. У нас в группе половина как будто уже всё знает. А я сижу и думаю, что меня сейчас раскусят.»

Даниил сжал кулак, разжал. Посмотрел в окно. Снаружи шёл мелкий дождь, свет фонаря расплывался на стекле.

Он набрал:

«Никто тебя не раскусит.»

Стер. Слишком уверенно.

Написал:

«Ты не обязана быть лучшей сразу.»

Отправил.

Ответ пришёл мягкий:

«Спасибо. Это прям вовремя.»

Даниил держал телефон в руке и смотрел на эти слова.

"Вовремя". Он не заслуживал "вовремя". Он всё время приходил поздно.

Он быстро сменил тему, чтобы не утонуть.

«Где ты сейчас?»

Стер. Опять личное.

Написал:

«Ты в комнате?»

Отправил.

Полина:

«Да. У окна. Вид красивый, кстати.»

Даниил задержал палец над клавиатурой.

«Покажешь?»

Стер "покажешь". Написал мягче:

«Если хочешь – пришли фото.»

Отправил.

Ответ пришёл через пару минут.

Фотография загрузилась медленно, полосой сверху вниз, и он смотрел, как проявляется кадр, как проявляется она –

даже если её там нет.

Ночной двор. Несколько окон напротив. Тёмное небо, уже холодное. На подоконнике – край кружки, тонкий ободок.

Подпись:

«Мой вид. Не Сити, но своё»

Даниил увеличил фото. Пальцы двигались аккуратно, почти нежно – так, будто он мог испортить что-то одним касанием.

Он нашёл отражение в стекле. Там, в тёмном пятне окна, была тень. Её тень. Плечо, линия головы. И телефон, поднятый на уровне лица.

Он смотрел на это слишком долго. Грудь сжалась. Он отложил телефон на стол, будто он обжигал.

Потом взял снова.

Написал:

«Красиво.»

Стер. Слишком пусто.

Написал:

«Уютно.»

Стер.

Написал коротко и честно:

«Тебе идет этот вид.»

Отправил и тут же пожалел. Слишком личное. Слишком близко.

Полина ответила почти сразу:

«Ты странный Но спасибо.»

Даниил выдохнул и впервые за вечер улыбнулся. По-настоящему, но тихо. Без звука.

Он написал:

«Я не странный.»

Стер. Написал:

«Привыкай.»

Стер. Он не хотел командовать.

Написал:

«Ладно. Странный.»

Отправил.

Полина:

«Вот. Уже лучше :)»

Даниил усмехнулся. В квартире стало теплее, хотя батареи не добавили ни градуса. Он посмотрел на время – 23:48. Два часа переписки. Он не заметил, как время ушло.

Он написал:

«Ты завтра рано?»

Полина:

«Да. Пары.»

Он хотел спросить, какие, где, кто, как. Хотел предложить подвезти, помочь, объяснить. И удержал это в себе. Нельзя. Не сейчас. Не так.

Полина написала сама:

«Поздно. Пары завтра.»

Даниил посмотрел на эти слова, и пальцы сами набрали:

«Рад что ты здесь»

Он остановился. Стёр. Быстро. До последней буквы.

Вместо этого написал:

«Спокойной ночи, Полина.»

Отправил.

Ответ пришёл через несколько секунд:

« Споки »

Даниил откинулся на спинку дивана, положил телефон на грудь и удержал его ладонью, будто боялся, что он исчезнет. Дыхание было ровнее, но в висках всё равно стучало – тихо, настойчиво.

Он поднял телефон, перечитал " Споки " и смайлик-луна. Глупость. Детский знак. И он сидел и смотрел на него, как на письмо.

Даниил усмехнулся сам себе – коротко, без радости, но с чем-то тёплым в уголках губ.

Идиот. Ведёшь себя как школьник.

Он выключил экран, положил телефон на стол рядом с часами и встал, чтобы наконец заняться "работой". Сделал два шага и остановился. Развернулся, взял телефон снова и просто подержал в руке – секунду, две.

Потом положил обратно. Аккуратно. Как вещь, которую нельзя ронять.

Глава 6

Полина

В аудитории 402 пахло маркером и чужими духами. Окна были приоткрыты, но воздух всё равно стоял тяжёлый – как в маршрутке в час пик. Полина сидела на краю парты, держала ручку над листом и старалась не смотреть на часы. Смотрела – и всё равно.

На доске висела тема группового проекта, и преподаватель говорил ровно, без пауз, будто читал изнутри себя. Полина ловила слова, записывала кусками, потом сама же не могла прочитывать свои каракули. Рука сводилась в запястье.

– Так, – голос преподавателя ударил по классу. – Делимся по группам. Три-четыре человека. Выбираете продукт, целевую аудиторию, позиционирование. На следующей неделе – первые наработки.

Стулья зашкрипели. Кто-то сразу потянулся к друзьям, кто-то остался сидеть и притворялся, что ему всё равно. Полина подняла голову и увидела, как к ней идёт парень из их ряда – высокий, в простом свитшоте, с рюкзаком на одном плече. Не городской блестящий, не «я тут с детства». Нормальный.

– Привет, – сказал он и улыбнулся так, будто они давно знакомы. – Ты Полина, да?

Она кивнула. Лямка рюкзака под пальцами натянулась –

она держала её слишком крепко.

– Да.

– Я Егор. – Он кивнул на соседние парты. – Мы тут вдвоём зависнем или соберём ещё людей?

– Давай... ещё, – Полина сказала быстро. – Лучше ещё.

Егор оглянулся, махнул двум ребятам у окна. Те что-то ответили, лениво поднялись и подошли. Полина кивнула им, они кивнули в ответ – все будто играли в «мы взрослые, мы умеем работать в команде».

Егор сел рядом, чуть боком, чтобы не нависать. Это Полина отметила сразу, не словами – телом. Плечи перестали так сильно тянуть вверх.

– Ты откуда? – спросил он, доставая тетрадь.

– Из области, – Полина ответила и тут же добавила: – Недалеко.

Егор хмыкнул.

– Классно. Я тоже не местный. Так что не переживай, если тут все такие... – он покрутил кистью в воздухе, подбирая выражение, – как будто родились в МГУ.

Один из ребят усмехнулся.

– Да ладно, – сказал он. – Мы просто не нервничаем.

Полина прикусила нижнюю губу. У неё сразу пересохло в горле. Она опустила взгляд на лист и начала писать название продукта, лишь бы не смотреть на них.

Егор наклонился к её листу.

– Слушай, давай сделаем что-то простое. Типа... – он за-

думался секунду и вдруг оживился: – Услуга "анти-общага". Доставка тишины, чистых полов и соседа, который не жарит лук в три ночи.

Полина не удержалась. У неё вырвался смешок – короткий, неожиданный. Она тут же прикрыла рот ладонью, будто это было неприлично.

Егор улыбнулся шире.

– Вот. Живая. А то сидишь, как будто тебя сейчас сдадут в деканат.

Ребята рядом рассмеялись. Полина выдохнула. Ладонь сама отпустила лямку рюкзака.

И в этот момент телефон в кармане джинсов завибрировал.

Не громко. Но так, что у Полины под кожей внизу живота будто щёлкнуло. Она не достала телефон сразу – только пальцы дёрнулись. Ручка в руке замерла.

Егор продолжал говорить:

– Можно взять какой-нибудь реальный продукт. Эко-шампунь, кофе, доставка еды. Или вообще... – он наклонился ближе к столу. – Я видел в "Перекрёстке" воду за двести рублей. Мы можем сделать вид, что это норм. И придумать легенду.

Полина кивнула, не глядя. Вибрация повторилась. Ещё раз. Коротко.

Она сунула руку в карман, нащупала телефон, сжала его в ладони. Экран был тёплый.

Егор остановился на полуслове.

– Всё нормально? – спросил он.

– Да, – Полина ответила слишком быстро. – Извини.

Она достала телефон под партой, чтобы не светить экраном. Большой палец скользнул по дисплею. Сообщение от Даниила.

«Как день? Не устала?»

Полина сглотнула. Горло стало сухим ещё сильнее, как будто она куснула бумагу. Она прочитала один раз. Второй. И только потом поняла, что Егор всё ещё смотрит.

Она подняла глаза.

– Просто... мама, – соврала она. Сразу же. Чтобы не объяснять.

Егор кивнул, будто это логично.

– А. Тогда окей.

Полина опустила взгляд обратно в телефон и быстро набрала, не выверяя:

«Норм. Сейчас пары. Потом напишу.»

Отправила. И только после этого заметила, как дрожит её большой палец – мелко, будто он устал держать весь день.

Телефон исчез обратно в кармане. Полина выпрямилась, повернулась к столу.

– Так, – сказала она слишком делово. – Давайте продукт. Кофе? Или доставка?

Егор усмехнулся.

– О, включилась. Давайте кофе. Всё равно мы сейчас в

аудитории, где у половины на партах стаканы.

Ребята кивнули. Полина взяла ручку. Попыталась слушать. Получалось на куски: "целевуха", "сегмент", "ценность". Она записывала, но каждые несколько секунд ладонь сама тянулась к карману – проверить, ответил ли он.

Егор наклонился к ней ближе и сказал тихо, чтобы остальные не слышали:

– Ты правда из области? Классно. Я думал, тут все либо из Москвы, либо с такими родителями, что им и поступать не надо.

Полина коротко хмыкнула.

– Я... сама. Просто училась.

– Это круто, – сказал Егор просто. Без восторга, без покровительства. Как факт.

Полина кивнула и уткнулась в лист. Пальцы чуть онемели на ручке. Она потряхнула кистью под столом, чтобы разогнать это онемение, и снова начала писать.

В столовой было шумно и пахло котлетами. Полина стояла в очереди с подносом, держала его обеими руками – чтобы не дрожали. Поднос был тёплый, липкий, чужой. Она выбрала салат и компот, потому что так было проще: меньше думать, меньше смотреть на цены.

Егор подошёл сзади, встал рядом, не толкая.

– Ты это всё ешь? – спросил он, глядя на её поднос.

– Да, – Полина кивнула. – Ну... попробую.

Егор усмехнулся.

– Слушай, я беру пюре и котлету, если хочешь – возьми часть. Тут порции как для детей.

Полина дёрнулась.

– Нет, спасибо. Я... нормально.

Егор пожал плечами, не настаивал.

Они сели за столик у окна. За стеклом мелькал двор университета, люди шли плотным потоком. Полина поставила компот, открыла салфетку, вытерла пальцы – привычно, тщательно.

Егор ел быстро, но не жадно. Время от времени смотрел на Полину, будто проверял, не исчезла ли она.

– Ты где живёшь? – спросил он. – В общежитии?

– Да, – Полина кивнула и машинально полезла за телефоном. Не достала – только пальцы коснулись ткани кармана и остановились.

Егор заметил это движение. Не сказал сразу. Пожевал, проглотил, потом спросил как бы между делом:

– Кто-то важный пишет?

Полина замерла. Вилка зависла над салатом.

– Нет, – сказала она и тут же добавила: – Ну... просто по учёбе.

Егор кивнул. Не усмехнулся, не полез дальше. Только глаза у него стали чуть внимательнее.

– Понял.

Полина сделала глоток компота. Сладко, липко. Горло всё равно сухое.

– Слушай, – Егор положил вилку. – В пятницу у нас будет вечеринка. Ну, не "вечеринка-вечеринка", а так. Ребята собираются у знакомых. Хочешь?

Полина почувствовала, как у неё стянуло живот. Не от радости и не от паники – от того, что надо выбирать, отвечать, быть нормальной. Она провела языком по сухой губе.

– Посмотрю, – сказала она.

Егор кивнул, будто именно этого и ждал.

– Окей. Просто если захочешь – скажи. Я кину адрес.

Полина снова кивнула. В груди стало тесно. Она не знала, как объяснить "я не знаю, смогу ли я тусоваться" без того, чтобы звучать как бабушка.

Егор улыбнулся чуть шире, чтобы разрядить.

– И да. Если что, там никто не ест людей. Даже местные.

Полина выдохнула. У неё снова вырвался смешок, тихий.

– Спасибо, – сказала она и тут же поморщилась. – Извини. Я всё время "спасибо".

– Нормально, – Егор махнул рукой. – Лучше так, чем как некоторые: "ты мне должен".

Полина кивнула и наконец взяла вилку. Сделала пару механических движений. Салат был безвкусный.

Телефон в кармане не вибрировал. И от этого становилось ещё хуже: тишина будто тянула за внутреннюю нитку.

Она заставила себя смотреть на Егора, слушать, когда он рассказывал про преподавателя, который любит "ловить" на мелочах. Она даже задала пару вопросов – чтобы быть в раз-

говоре. Но каждые несколько секунд пальцы сами сжимали край подноса, и она ловила себя на том, что ждёт.

Когда обед закончился, Егор поднялся первым.

– Пойдём? У нас ещё пара.

– Да, – Полина быстро встала, чуть задев стул ногой. Стул скрипнул. – Извини.

Егор усмехнулся.

– Полина, перестань извиняться перед мебелью.

Она покраснела и пошла рядом, стараясь держать шаг ровно.

В общежитии к вечеру было душно. В коридоре кто-то сушил бельё, пахло влажной тканью и жареным луком – да, опять. Полина открыла дверь 347, зашла и сразу увидела Киру: та сидела на кровати в наушниках и красила ногти, выставив руку вперёд, как хирург.

– О, – Кира подняла голову. – Живой студент вернулся.

Полина скинула рюкзак, поставила его у стула и вдохнула. В комнате было привычно: пятно на потолке, окно во двор, чужие кружки на столе.

– Как день? – Кира спросила громко, как всегда.

Полина пожала плечами.

– Нормально.

Кира фыркнула.

– Это самое бесполезное слово. Давай по-честному. Кто сегодня к тебе клеился?

Полина резко подняла голову.

– Никто.

– Ага, – Кира потянулась к лампе, подула на ногти. – Тогда кто этот Егор, который весь день вокруг тебя крутился?

Полина застыла. Пальцы сами потянулись к телефону – она не достала, но ладонь легла на карман, как на замок.

– Откуда ты...

– Поля, – Кира улыбнулась широко. – Общага. Тут всё слышно. Плюс ты пришла и улыбаешься на полмиллиметра больше, чем обычно.

Полина отвернулась к окну. За стеклом серел двор, фонарь уже горел. Она провела ладонью по лямке рюкзака, будто разглаживала.

– Он одноклассник, – сказала она. – Просто... нормальный.

Кира наклонила голову.

– "Нормальный" – это уже комплимент. Он тебе нравится?

Полина резко повернулась.

– Нет.

Ответ вылетел коротко. Чётко. Даже слишком.

Кира подняла брови.

– Ого. Вот это скорость.

Полина прикусила нижнюю губу и тут же отпустила. Во рту снова стало сухо.

– Кира, он просто... – она махнула рукой. – Он позвал на вечеринку. Я сказала "посмотрю".

Кира ухмыльнулась.

– Ну конечно. Ты у нас "посмотрю" королева. А что ты будешь "смотреть", если у тебя уже кто-то есть?

Полина замерла. Ладонь в кармане сжала телефон через ткань.

– Никого нет, – сказала она быстро. – Я же...

– А Даниил? – Кира произнесла имя так, будто это очевидно, как "чайник на плите".

Полина дёрнулась. В висках стукнуло.

– Что Даниил?

– Поля, – Кира сняла наушники, отложила лак. Голос стал чуть тише, но не мягче. – Он тебе пишет?

Полина не ответила сразу. Она подошла к столу, налила себе воды из бутылки, сделала глоток. Вода была комнатная. Горло всё равно не отпустило.

– Пишет, – сказала она наконец.

Кира кивнул так, будто ставила галочку.

– И ты такая: "это просто по-дружески"?

Полина сжала стакан. Пластик хрустнул.

– Не начинай, – сказала она коротко.

Кира усмехнулась.

– Я не начинаю. Я спрашиваю. Ты его видела вживую, Поля. Он тебе номер взял. Он не просто так.

Полина опустила взгляд на свои руки. Пальцы чуть дрожали, и она спрятала их под стол – как будто так они исчезнут.

– Он... – слова не собирались. – Он просто...

Телефон в кармане завибрировал.

Полина вздрогнула. Не сильно – но Кира заметила сразу.

– Ага, – Кира ткнула пальцем в её карман. – Вот и "просто".

Полина достала телефон. Экран светился в полумраке комнаты.

Сообщение от Даниила:

«Завтра вечером свободна? Хочу показать место.»

Полина прочитала и ощутила, как в груди стало тесно. Плечи поднялись сами. Она опустила их усилием.

Кира вытянула шею.

– Ну?

Полина поджала губы. Большой палец завис над клавиатурой. В голове мелькнуло: "а если это глупо", "а если он опять исчезнет", "а если я сама себе всё придумала". Мысли шли пачкой, как люди в метро.

Она остановила их одним движением – нажала на экран.

«Да.»

Отправила.

Сразу.

Кира медленно выдохнула, будто держала дыхание за неё.

– Вот, – сказала она. – Уже лучше. А теперь скажи мне: ты хоть ела сегодня? Или опять из воздуха?

Полина подняла взгляд. В уголках губ дрогнуло что-то похожее на улыбку.

– Ела.

– Что?

– Салат и компот, – сказала Полина и добавила, уже тише:

– Егор делился котлетой. Я не взяла.

Кира расхохоталась.

– Господи. Ты как будто в кино про приличных девочек.

Ладно, завтра разберёмся. Сегодня – чай. И ты мне расскажешь, что за "место".

Полина положила телефон на кровать экраном вниз, как делала всегда, когда не знала, куда деть руки. Но внутри всё равно дрожало – не как паника, а как натянутая струна: завтра, завтра.

Она подошла к окну и на секунду задержалась у подоконника. Во дворе кто-то курил, огонёк вспыхивал и гас. Полина посмотрела на него и медленно выдохнула.

Завтра вечером. "Показать место".

Она не стала перечитывать сообщение. И так было слишком много.

Вот чистовой текст глав 7–15 с применёнными хирургическими правками. Соседние абзацы и авторский стиль сохранены без изменений.

Глава 7

Полина

Полина вышла из метро раньше времени и всё равно пришла к нужному адресу на десять минут позднее – потому что в Москве опоздать можно даже на собственную тревогу.

Она шла медленно, держала ремешок сумки так крепко, что кожа под пальцами побелела. В руках – пакет с обувью. На ногах – те самые туфли, которые она мерила три раза, прежде чем купить. Платье из H&M сидело нормально, даже хорошо, если стоять ровно и не думать о цене. Полина всё равно думала. Каждые несколько шагов дёргала подол, будто он мог внезапно стать короче.

У входа в ресторан было тепло и ярко. Стекло блестело, как в витрине, где всё не для неё. Она на секунду остановилась, будто у невидимой черты. Внутри – люди, которые двигались спокойно, как будто их никто никогда не вытеснит из своего места.

Полина провела языком по сухой губе, вздохнула – вдох вышел короткий, ребром – и шагнула.

У хостес на лице была улыбка, которая не касалась глаз.
– Добрый вечер. У вас бронь?

Полина открыла рот, и голос сначала не вышел. Она сглотнула.

– Да. На... – имя застряло. – На Даниила.

Хостес быстро кивнула, пальцем скользнула по списку.
– Конечно. Проходите.

Полина сделала шаг и тут же увидела его у входа – в темном пальто, с ровной спиной, в этом своём спокойствии, которое у других выглядело как привычка жить уверенно.

Даниил улыбнулся. Не широко, без шоу. Только уголки губ дрогнули, и взгляд стал мягче.

Полина остановилась на секунду. Колени действительно подвели – не так, что она бы упала, просто ноги стали ватными, будто в них налили воду. Она сделала ещё шаг, и ладони вспотели внутри пакета.

– Привет, – сказала она быстро. – Извини. Я...

Он не дал ей договорить. Подошёл ближе, но остановился не вплотную, оставил ей воздух. Взял её руку – аккуратно, как будто проверял, можно ли. Пальцы у него были тёплые. Он наклонился и коснулся губами тыльной стороны её ладони.

Полина замерла. Рука не дёрнулась, но плечи поднялись сами, и она заставила их опуститься.

– Ты прекрасна, – сказал Даниил тихо.

Эта фраза должна была прозвучать смешно. Старомодно. Театрально. Но он сказал так, будто это не комплимент, а факт. И у Полины от этого загорелось лицо. Она отвела взгляд, чтобы не выдать, как быстро у неё сбился ритм дыхания.

– Спасибо... – вылетело автоматически. Она сразу прику-

сила язык. — Я... ну... старалась.

Даниил чуть прищурился, как будто улыбнулся ещё раз — внутрь себя.

— Пойдём, — сказал он. — Столик готов.

Внутри было слишком красиво. Полина шла за ним и старалась не смотреть по сторонам, но глаза всё равно цеплялись: белые скатерти, приглушённый свет, люди, которые разговаривали тихо, как в библиотеке. Ей хотелось говорить шёпотом, даже если никто не просил.

Официант отвёл их к столику у окна. Москва за стеклом светилась, как дорогая витрина. Полина села и тут же пожалела, что выбрала это место: её было видно всем. Она сунула руки под стол, сцепила пальцы так крепко, что ногти впились в кожу.

Даниил сел напротив. Снял пальто, аккуратно повесил на спинку стула. Всё у него было ровно, выверено. Даже рука, когда он ставил ладонь на стол, лежала спокойно — и шрам на большом пальце был виден.

Полина на секунду уставилась на него и быстро отвела взгляд. Горло пересохло.

— Как учёба? — спросил он, когда официант ушёл.

Полина кивнула, будто он спросил «как погода».

— Нормально. Быстро. Много всего.

— Устаёшь?

Полина хотела сказать «нет», но язык не повернулся. Она выдохнула и пожала плечами.

– По-разному.

Даниил кивнул. Он не вытаскивал из неё слова силой, и от этого становилось ещё сложнее. У Киры было проще: Кира давила, и Полина отбивалась. Здесь отбиваться было не от чего.

Официант принёс меню. Полина раскрыла его и увидела цены. Пальцы онемели, будто она держала ледяной стакан. Она листала страницы медленно, делая вид, что выбирает, хотя взгляд каждый раз упирался в цифры.

– Что хочешь? – спросил Даниил, не наклоняясь к меню.

Полина сглотнула.

– Я... не знаю. Тут всё... – она не договорила.

Даниил не улыбнулся снисходительно, не сказал «не переживай». Он просто наклонился чуть ближе.

– Возьми то, что хочется. Полина.

Её имя он произнёс так, как всегда – полностью. И от этого у неё внутри что-то стянулось, как ремень на талии.

Полина кивнула. Выбрала почти наугад – салат и пасту, чтобы не выглядеть человеком, который пришёл в музей и попросил воду из-под крана. Даниил заказал что-то быстро, почти не глядя. Вино – себе. Полина отказалась. Сказала, что завтра пары. Сказала слишком быстро. Он не спорил.

Когда официант ушёл, тишина за столом стала плотнее. Полина отвела взгляд в окно. Свет Москвы бил в глаза, но это было лучше, чем смотреть на его руки. На губы. На то, как он чуть касался стакана, будто держал паузу пальцами.

– Ты... часто так ходишь? – спросила она, чтобы разрезать тишину.

– Иногда, – ответил он. – По работе. Или... когда хочется тишины.

Полина коротко хмыкнула. Ей хотелось спросить «а со мной тебе тихо?», но язык опять прилип к нёбу.

Даниил заговорил о своём дне – о встречах, о людях, о каких-то договорённостях. Он говорил просто, без хвастовства, но каждое слово всё равно выдавало: у него другой мир. Там всё решалось звонками, именами, местами, куда Полина никогда бы не попала сама.

Она кивала. Иногда улыбалась. Иногда отвечала «понятно» – и тут же злилась на себя за это слово. Её внимание соскальзывало с смысла на детали: как он держал вилку, как отодвигал стакан, как делал паузы.

Даниил замолчал на середине фразы и посмотрел на неё внимательнее.

– Ты меня слушаешь? – спросил он.

Полина резко моргнула. Щёки вспыхнули.

– Да. Извини. Я... – она запнулась. – Задумалась.

Даниил не отпустил. Он наклонил голову.

– О чём?

Полина опустила взгляд на край тарелки, будто там была подсказка. Пальцы под столом снова сцепились. Кожа на ладонях стала влажной.

– О том, что ты изменился, – сказала она наконец и тут же

добавила быстро: – То есть... нет. Не так. Ты... другой.

Даниил откинулся на спинку стула. Пауза затянулась – ровно настолько, чтобы Полина успела пожалеть, что открыла рот.

– А ты? – спросил он.

Полина подняла на него глаза. Взгляд встретился с его на секунду – и задержался, хотя ей хотелось отвернуться.

Она сглотнула.

– Я... – она дёрнула плечом. – Я пытаюсь стать другой. Здесь иначе нельзя.

Даниил кивнул. Лицо у него осталось спокойным, но под кожей на скуле дрогнула мышца. Полина увидела это и тут же отвела взгляд – будто ей не положено замечать.

Еда пришла. Полина взялась за вилку так, как будто это было единственное, что держит её в реальности. Паста была вкусная. Слишком вкусная. Она жевала медленно и не понимала, как можно есть в таком напряжении.

– Кира... как она? – спросил Даниил вдруг.

Полина удивилась. На секунду даже перестала жевать.

– Нормальная. Громкая. Она всё время... – Полина не нашла слова и просто махнула рукой.

Даниил слегка улыбнулся.

– Я заметил.

Полина выдохнула. Этот короткий разговор про Киру оказался спасательным кругом – простым, земным.

Она начала рассказывать про общагу: про пятно на потол-

ке, про запахи в коридоре, про то, как кто-то вечно жарит лук. Даниил слушал и иногда задавал короткие вопросы. В какой-то момент Полина поймала себя на том, что говорит быстрее, чем обычно, и ей не хочется замолкать.

Она остановилась только тогда, когда рядом, из-за спины Даниила, прозвучал женский голос:

– Дани?

Голос был мягкий, ровный, слишком уверенный. Как будто у этой женщины никогда не дрожали пальцы над меню.

Полина застыла с вилкой в руке. Вилка зависла над тарелкой, и локоть вдруг стал тяжёлым.

Даниил медленно обернулся.

Женщина подошла ближе. Высокая, в светлом пальто, волосы уложены идеально. Улыбка – гладкая, как лак. Она посмотрела на Даниила так, будто имеет право.

– Не ожидала! – сказала она и наклонилась, обняв его за плечи. Быстро, привычно.

Полина не вдохнула. Дышать стало трудно, будто кто-то положил ладонь на грудную клетку.

Даниил не отстранился резко – и от этого стало хуже. Он лишь чуть напряг плечо, будто терпел чужое касание. Полина увидела это, но не стало легче.

Женщина повернула голову и посмотрела на Полину. Оценивающе. Не грубо. Просто как на вещь: подходит – не подходит.

– А это... – начала она, не снимая улыбки.

Даниил поднялся. Спокойно, но быстро. И встал так, чтобы быть чуть впереди, словно прикрыл Полину корпусом.

– Виктория, – сказал он ровно. – Бывшая коллега. Полина, знакомая со школы.

Полина услышала своё имя, но оно прозвучало будто в чужом разговоре. Она сжала салфетку в пальцах, скрутила её в тонкий жгут. Бумага хрустнула.

Виктория слегка наклонила голову.

– Как мило, – сказала она. – Студентка?

Слово «студентка» прозвучало так, будто это диагноз. Полина почувствовала, как у неё горит лицо. Она заставила себя поднять подбородок.

– Да, – ответила она коротко. – Первый курс.

Виктория улыбнулась ещё мягче.

– Очаровательно.

Даниил повернул голову к Виктории. В его лице что-то стало холоднее, ровнее.

– Вика, мы заняты, – сказал он.

Виктория на секунду замерла. Улыбка осталась, но в глазах что-то щёлкнуло – как выключатель.

– Конечно, – сказала она. – Я просто поздоровалась.

Она посмотрела на Полину снова. На секунду дольше, чем нужно.

– Приятного вечера, – добавила Виктория.

И ушла так же уверенно, как пришла. Не оглядываясь.

Полина сидела, не двигаясь. В груди всё ещё стояло на-

пращение. Она поставила вилку на тарелку слишком громко. Тут же вздрогнула от собственного звука и сжала пальцы под столом.

Даниил сел обратно. Налил себе воды, сделал глоток, будто ставил точку.

– Извини, – сказал он.

Полина кивнула. Слишком быстро.

– Всё нормально.

Слова вылетели автоматически. Она ненавидела их. «Всё нормально» было ложью, которую она произносила, чтобы не выглядеть слабой.

Даниил смотрел на неё. Молчал. И этим молчанием будто спрашивал: «Правда?»

Полина отвела взгляд.

Она не доела пасту. Ей вдруг стало тесно даже в этом красивом зале. Хотелось на улицу. В холод. В шум. Туда, где она хотя бы могла дышать.

Даниил понял без просьб. Он подозвал официанта, оплатил. Полина поймала себя на том, что смотрит на его карту, на его уверенное движение, и внутри поднимается злость – не на него, на себя.

На выходе было прохладнее. Полина накинула куртку, которая на фоне этого места выглядела как ошибка. Она застегнула молнию до подбородка, хотя не было так холодно. Просто так было проще спрятаться.

Они остановились у входа. Люди проходили мимо, кто-

то смеялся, кто-то делал фото. Полина смотрела на мокрый асфальт и не поднимала глаз.

– Кто она? – спросила она наконец.

Голос прозвучал тише, чем ей хотелось. Но слова были прямые.

Даниил не ответил сразу. Пауза – как у него всегда. Полина в этой паузе успела сжать ремешок сумки так, что заболело запястье.

– Прошное, – сказал он. – Неважное.

Полина подняла глаза.

– Неважное... – повторила она, и это слово будто царапнуло. – Она тебя обнимает. Говорит "Дани". И задаёт вопросы про меня так, будто...

Она не договорила. Слова сбились. Горло сжалось.

Даниил сделал шаг ближе. Не вплотную. На расстояние, где можно уйти, если захочется.

– Полина, – сказал он тихо. – Я не с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.